

М.С. БЕЛЕНЬКИЙ ОКАЯННЫЕ ДНИ ГЛАЗАМИ ВРАЧА

Моисей Самойлович Беленький (1892–1982) — известный ученый-куратор и физиотерапевт. Его имя как отличного врача и общественного деятеля было на слуху у нескольких поколений одесситов. В последние годы жизни Моисей Самойлович увлечено работал над воспоминаниями.

Почти вся профессиональная жизнь доктора прошла в Одессе, куда он попал благодаря случаю. Город этот он полюбил и в нем нашел свое упокоение.

Предлагаемая ниже глава воспоминаний относится к знакомству доктора с Одессой и периоду ее истории, который великий Буниин окрестил "окаянными днями".

Киевский университет я окончил в июне 1916 года. Весь наш выпуск, за исключением небольшого числа юных врачей, был сразу же призван в армию. Небольшая группа сокурсников по медицинским специальностям была освобождена от военной службы. В нее попал и я из-за диагностированного порока сердца. С такой судьбой я не мог согласиться. В те времена примером для меня служили два моих брата, которые воевали. И я, недолго думая, подал заявление — просьбу о зачислении добровольцем в действующую армию и о направлении на передовые позиции. Мое ходатайство удовлетворили и направили на Галицийский фронт в передовой хирургический отряд (20-й Черноморский), приданный к Первой Заамурской дивизии.

После Февральской революции в армии начался развал. Солдаты хотели мира и не хотели больше воевать. Под давлением союзников и после большой подготовки, сопровождавшейся проверкой и изучением настроения армии, началось наше последнее наступление.

Наступление на нашем участке шло блестяще. Мы выбили немцев из зимних хорошо укрепленных позиций и двинулись на запад. Начали даже циркулировать слухи о предстоящем движении на Вену. Но начавшееся удачно наступление было сорвано предательством и отходом гвардии под Тернополем. Из-за оголившегося большого участка фронта возникла угроза окружения. Это побудило командование отдать приказ об отступлении на нашем участке. Все это стало известно нам позже. Поспешное отступление через Буковину и Бессарабию для соединения с армиями румынского фронта докатилось до Хотина. Там мы ненадолго задержались.

К этому времени истек срок представленной мне отсрочки от призыва в армию. Бюрократическая машина продолжала работать: я получил распоряжение явиться в Киев для получения назначения в распоряжение санчасти Румынского фронта.

Гуляя бесцельно по Киеву, я оказался свидетелем рождения "Вільної незалежної України". На площади Богдана Хмельницкого видел парад по поводу провозглашения отделения Украины от Москвы. Украинская воинская часть с желто-голубыми знаменами и с портретами Тараса Шевченко выстроилась в виде буквы "П". Строй объезжали на двух машинах: на одной — седой профессор Грушевский, а на другой — красивый, стройный и чернобородый писатель Винниченко. Стоя в машинах, они провозглашали лозунги. Играла музыка. Звенели литавры. В Софийском и Михайловском соборах звонили в колокола. По синему небу плыли небольшие белые облака, сияло солнце, оно золотило каштаны и клены. Киев был прекрасен.

В Киеве я пробыл недолго: надо было в соответствии с полученным направлением выехать в Одессу, где располагались управление Румынского фронта и, в частности, мой Упсарум (Управление санитарной части Румынского фронта).

В Одессу я ехал поездом около трех дней. Вагоны были набиты пассажирами, стремящимися на юг. Теснота в них была необычайная. Уборные были заняты едущими и их вещами. Вагонной прислуги не было вовсе. Я удачно расположился на третьей (вещевой) полке жесткого общего вагона.

Из окон вагона были видны осенние голые поля. Да и на душе осень. Что будет со всеми нами? Что нас ждет впереди? Скорей бы вернуться в воинскую часть, где все же должен существовать какой-то порядок, какая-то ставшая мне близкой организационная жизнь.

К одесскому вокзалу поезд подошел утром. Нас встретило яркое солнце и ясное небо. На перроне оживление, народ шумный, темпераментный. Как это не подошло на Киев! С вокзала с небольшим чемоданчиком в руках я отправился к коменданту города.

Комендатура находилась тогда на улице Преображенской, 18. Там мне дали направление в общежитие для младшего офицерского состава. Общежитие располагалось в помещении бывшей кофейни Амбарзак на улице Греческой угол Преображенской. В просторных залах кофейни стояли железные койки с соломенными матрацами. Комендант общежития капитан Языков указал мне на одну из них. После этого я посетил Упсарум, ул. Херсонская, 60, где меня зарегистрировали и велели ждать особого распоряжения.

Я много ходил по незнакомому мне городу. Улицы полны людей, шумных, оживленных, громко разговаривающих, энергично жестикулирующих и в большинстве весьма доброжелательных. Отчетливо слышен характерный одесский говор. По нему трудно было определить, с кем из коренных одесситов разговариваешь, — с русским, украинцем, евреем, греком, караимом, немцем? После Киева солнечная Одесса покорила меня.

В то время в Одессе было много иностранцев, особенно много представителей румынской буржуазии и аристократии. Румынский и французский языки звучали на каждом шагу. Когда Румыния в ходе польхавшей тогда мировой войны была оккупирована немцами, многие ее жители бежали на восток, и они, прежде всего, наводнили Одессу. Они часто и в больших количествах встречались в ресторанах и на улицах. В доме, что стоит на углу Садовой и смотрит на Соборную площадь, был румынский ресторан "Oncle Jack". В ресторане раздавался только румынский говор. Публика выглядела нарядно. Я как-то зашел туда пообедать. Блюда были острые — мидии с рисом, приправленные обжигающим красным перченым соусом, и др. Да и цены оказались "острыми".

В Одессе у меня оказался родственник (кузен моего отца) — Константин Борисович Бархин, популярный в городе преподаватель русской литературы, впоследствии профессор в Москве. Он-то и познакомил меня с некоторыми своими друзьями, видными одесскими врачами и общественниками. В частности, он представил меня доктору К.Н. Пурицу, главному врачу Еврейской больницы, и его супруге. Я был тепло ими принят. После часовой беседы я, очевидно, понравился Пурицу, и он познакомил меня с доктором Я.В. Зильбербергом, крупным хирургом и известным общественным деятелем. В советское время Зильберберг стал главой одесских хирургов, организатором съездов хирургов в Одессе.

В общем, Одесса привлекла меня своим особым обликом, архитектурой, окрестностями (по тем временам): Аркадией, Большим, Средним и Малым Фонтанами, девственной тогда Лузановкой и превосходными курортами. Но заигнотизирован я был, конечно, морем.

Когда я приехал в Одессу, у меня были двести рублей. На эти деньги я скромно жил. В общежитие я приходил ночевать, а дни проводил в прогулках по городу и, чаще всего, по окрестностям. Особенно меня заинтересовали лиманы — Куяльницкий и Хаджибеевский. И я начал изучать литературу по лимановедению и грязелечению. Тогда же я познакомился с Лузановым, собственником Лузановки, бывшим сотрудником при русском после в Пекине Поклевском-Козел. Первое время после октябрьских событий я встречался с Лузановым на улицах. Небритый, в солдатских ботинках и обмотках, с пилот и козлами на плечах, он ходил по дворам и нанимался пилить дрова.

В 1917 году одесситы жили легкой и даже легкомысленной жизнью (с мастеровым людом мне тогда не приходилось общаться), и это несмотря на уже появившиеся трудности. Работали кафе, рестораны и театры. Одесситов и гостей города развлекал Л. Уте-

сов со своим джазом ("хор братьев Зайцевых"). Кафе Фанкони и Робина, расположенные наискось друг против друга, на углах Екатерининской и Ланжероновской улиц, а также сквер Пале-Рояль были битком набиты, главным образом, спекулянтами, совершавшими различные сделки. Предложения о сделках звучали в этих зланных местах в виде вопросов. "Вы интересуетесь на сахар? У меня два вагона". "Вы интересуетесь на доллары?" И т. п. Все же в Одессе относительно легко жилось. По крайней мере, в сравнении с Киевом.

Первый раз советская власть установилась в Одессе в начале 1918 года после победы над гайдамаками, которые занимали железнодорожный вокзал и примыкающую к нему часть города. С этой первой, по существу, сменой власти в городе начались и два года продолжались тревожные, перешедшие в окаянные дни.

Итак, середина января 1918 года. В городе тревога. На улицах появились отряды матросов и красногвардейцев. Началось восстание на заводах. В порту стоят присоединившиеся к большевикам крейсер "Алмаз" и корабли "Синоп" и "Ростислав". Первый — у самого причала, два других — далеко на рейде. На "Алмазе" расположился штаб моряков.

В те дни я ходил по опустевшим улицам, с любопытством наблюдая схватки, перестрелки и проч. Однажды, выйдя с утра в город и вскоре возвратившись к себе в общежитие, я обнаружил следующее: в общежитии хаос, матрацы на койках перевернуты, мой чемодан выпотрошен, его убогое содержимое разбросано. Жившая при общежитии семья коменданта Языкова в ужасе: нагрят отряд матросов, произвел обыск и нескольких офицеров, находившихся в помещении, увел в неизвестном направлении.

Я решил выяснить, куда увели капитана, по-моему, совершенно ни в чем не виновного, скромного нестроеного офицера. Но куда идти? Мне сказали, что арестованных офицеров уводят в революционный штаб на Торговой улице. Я пошел туда. Штаб располагался в самом начале Торговой, в роскошном особняке богача Русова.

У входа — толпа матросов, красногвардейцев с красными повязками. У ворот — несколько пулеметов и груды гранат-"лимонок". Я вошел в здание. Никто не спрашивал пропуска. Какой-то человек в черной куртке и черной фуражке, не то железнодорожник, не то моряк, отдает приказание, направляя вооруженных матросов по различным адресам. Этим человеком, как я потом узнал, был Ачканов, видный деятель вооруженного восстания и борьбы с гайдамаками. В вестибюле свалены картины.

Урвав свободную минуту у охрипшего от напряжения Ачканова, я спросил его, не находится ли под арестом среди многочисленных групп арестованных офицеров (вернее, бывших офицеров) капитан Языков. Ачканову некогда было со мной разговаривать, и он поручил стоящему рядом товарищу проводить меня и показать арестованных. В больших полуподвалах с крепкими решетками на окнах было много арестованных. Окна были открыты. Я подходил к каждому окну и громко спрашивал: "Нет ли здесь капитана Языкова?". Никто не отзывался. Позже, правда, выяснилось, что он там был, но в не обнаруженном мною помещении. Вернувшись к Ачканову, я вновь обратился к нему с вопросом: "А где еще можно разыскать капитана?". "Пойдите на "Алмаз", — ответил он.

И я отправился на "Алмаз". По узкой каменной лестнице в конце улицы Гоголя я стал спускаться в порт.

Я подошел к пришвартованному "Алмазу". С невысоко расположенной палубы были спущены широкие сходы. Вокруг суэта. Подъезжают грузовики с матросами и реквизированными в городе продуктами. Они сгружают окорка, фрукты, ящики с вином... Какой-то человек отправляет в город отряды вооруженных матросов. Я свободно поднимаюсь на корабль. Никто не останавливает, не проверяет меня. Узнаю, что сейчас заседает революционный комитет. Вхожу в просторную каюту. За столом идет шумное совещание. Многие стоят. По углам составлены винтовки, на полу — груды гранат, у входа — пулемет.

Один из сидящих моряков обернулся ко мне с вопрошающим взглядом. Я сказал, что ищу арестованного сегодня капитана.

— Поводи его по каютам, пусть поищет, — обратился он к одному из стоящих матросов. Тот повел меня по коридорам и стал открывать двери кают, в которых сидели, плотно сбившись, арестованные офицеры.

Я прошел один коридор вдоль всего корабля. Когда мы подошли к корме, и я собирался повернуть к другому коридору, на площадку на корме с шумом высыпала большая группа матросов, и среди них — пожилой мужчина лет 60-65 в пальто с каракулевым воротником и в такой же шапке "пирожком".

— Объявляю заседание революционного суда открытым. Кто будет обвинителем и кто защитником? — обратился к собравшимся, по-видимому, старший.

Выступил обвинитель:

— Из вашего дома стреляли в патруль красногвардейцев.

Относительно спокойно обвиняемый по фамилии Березовский начал объяснять, что там, где раздавались выстрелы, находятся несколько домов, расположенных друг к другу под углом, и что поэтому могло создаться неправильное представление о том, откуда стреляли. Могло возникнуть эхо, исказившее представление о направлении звуковой волны.

Это объяснение возбудившие матросы восприняли спокойно. Напряженная атмосфера стала рассеиваться.

После обвиняемого выступил пожилой матрос. Он высказал сомнение в вине обвиняемого. Прозвучал вопрос председателя:

— Кто за осуждение арестованного?

Никто не поднял руки.

— Вы свободны, можете отправляться домой, — обратился председатель к Березовскому.

Матросы заулыбались, обстановка сразу разрядилась.

— Проводите гражданина к выходу, — распорядился председатель.

Несколько матросов, доброжелательно хлопывая Березовского по спине, пошли провожать старого адвоката. При этом они набивали его карманы плитками шоколада и папиросами.

— Иди, батя, никто тебя не тронет, — сказали ему вслед матросы.

Понятно, в то бурное напряженное время все могло обернуться трагически. Не случайно же тогда популярна была песенка: "Эх, яблочко, куда котихься, на "Алмаз" попадешь, не воротихься".

Представшая передо мной картина "революционного суда" запомнилась мне на всю жизнь. Во время суда я очень волновался, рисуя себе страшный приговор. Ведь обвинение было нештучным. Говорили, что Березовский вскоре исчез из Одессы, перебравшись через Румынию в Польшу. Впрочем, мои страшные предчувствия вскоре начали сбываться...

Языкова я так и не нашел на "Алмазе". Возвратившись к заседавшему там комитету, я спросил, где еще можно искать его. Председатель ответил: "Ищи на "Синопе" и на "Ростиславе".

Оба эти корабля стояли на рейде довольно далеко от берега. День клонился к вечеру.

Море было неспокойно, на волнах появились белые барашки. С пронзительными криками чайки носились над водой. Небо хмурилось. Интересующие меня корабли стояли на якорах, как заколдованные. Их команды, за исключением дежурных, были на берегу.

Я нашел старого лодочника, который согласился подвести меня к "Синопу". Корабль защищали от мин опущенные металлические сетки. Подплыв к кораблю, я окликнул стоящего на вахте. На вопрос, что мне нужно, я ответил, что ищу среди арестованных Языкова. "Подождите!" — крикнул мне дежурный, по виду мичман, и ушел. Вскоре он возвратился и сказал, что среди арестованных такой не числится. Тогда я поплыл к "Ростиславу", который стоял от берега еще дальше. И на нем повторилось все то же: Языкова не было.

В общежитии меня с надеждой ждала жена капитана. Узнав результаты моих поисков, она начала ломать руки и кричать: "Его, наверное, уже нет в живых! Что я буду делать с ними?". При этом она указывала на трех девочек. Самая младшая с испуганным видом смотрела на меня, держась за мамину юбку. Тщетно я пытался их успокоить.

В тот же день я покинул общежитие, взяв с собой опустошенный чемоданчик.

В течение первых двух послереволюционных лет жизнь в Одессе была тяжелой. К традиционным проблемам любой революции добавлялись и те, которые присущи и оккупационным режимам, и даже бандитским наскокам. Цепь драматических событий прерывалась звеньями трагическими, например, многочисленными расстрелами и еврейскими погромами. В итоге у людей исчезала почва из-под ног, растерянность и испуг в те времена были почти естественным состоянием одесситов. И каждый день, прожитый тогда в Одессе, был, по сути, окаянным.

Подготовил к печати В.С. Серебро.